

За мастерство драматурга

Четыре года минуло с тех пор, как Центральным Комитетом нашей партии принято постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Это постановление явилось важнейшей вехой на пути развития советской драматургии и театра. В нем предельно кратко и исчерпывающе ясно указаны задачи нашего театрального искусства, начертана программа его дальнейшего движения вперед. Вот почему деятели советского театра, драматурги и театральные критики постоянно обращаются к постановлению ЦК ВКП(б), как к верному компасу, который указывает им путь развития советского театрального искусства.

За последние годы советский театр, руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б), сделал немало и занял видное место в арсенале средств коммунистического воспитания народа, в борьбе за мир и демократию во всем мире. Изгнание из репертуара пьес реакционных буржуазных драматургов, пьес бездельных, искажающих советскую жизнь, и появление новых драматических произведений, в которых социалистические идеи выражаются в образах большой художественной силы, — вот, в чем существо решительной перестройки советского театра.

Рост коммунистического сознания, сознательный труд советских людей, в результате которого каждый день и час подымается здание коммунизма, — что может быть важнее для нашей эпохи! На нашей сцене сейчас идут посвященные этой теме пьесы А. Корнейчука «Макар Дубрава» и «Калиновка», А. Сурова «Зеленая улица» и «Обида»; А. Софронова «В одном городе» и «Московский характер» (в исправленном автором варианте); Н. Вирты «Хлеб наш насущный»; ряд других произведений. Борьба за мир против англо-американских поджигателей войны — разве не этим живут сейчас все советские граждане, все передовые люди мира? Голос советской драматургии звучит в общем хоре борцов за мир — достаточно вспомнить «Заговор обреченных» Н. Вирты и «Голос Америки» Б. Лавренева, «Я хочу домой» С. Михалкова и «Миссисипский вал» Н. Погодина. Борьба против пережитков капитализма в сознании людей, против реакционной идеологии космополитизма — вот непреломное условие нашего развития, и к этой борьбе зовут зрителя «Великая сила» Б. Ромашова, «Азак чести» А. Штейна, «Два лагера» А. Яковсона, «Илья Головин» С. Михалкова.

Каждый год наша драматургия обогащается новыми произведениями, успехи ее несомненны. Но несомненно также и то, что она еще отстает от требований, предъявляемых к ней партией, народом. Это отставание сказывается прежде всего в том, что многие наши драматические произведения стоят на недостаточном высоком уровне художественного мастерства. ЦК ВКП(б) в своем решении о репертуаре поставил перед драматургами и работниками театров задачу — создать яркие, полноценные в художественном отношении произведения о жизни советского общества, о советском человеке. Яркие и полноценные в художественном отношении! Так партия подчеркивает неразрывность идейности и художественности в творчестве драматурга.

Борьба за высокое мастерство советских драматургов наделила большой вред критики-космополиты. Эти эстетствующие обыватели поносили лучшие произведения советской драматургии. Партия и советский общественный разоблачили липовую антипартийческую группу театральные критиков и расценили тем самым посядание на идейного и художественного роста нашей драматургии, для принципиальной, хозяйской, товарищеской критики, заинтересованной в том, чтобы советская драматургия была значительна по своим идеям и прекрасна по форме.

В прошлом году партийная печать подвергла суровой критике идейные и художественные недостатки «Карьеры Бекетова» А. Софронова и «Огненной реки» В. Коженикова. Эти глубокие критические выступления показали, что судить о содержании пьесы, минуя ее форму, невозможно.

Однако наша критика сделала еще очень и очень мало для повышения художественного мастерства советских драматургов, как молодых, так и снискавших уже заслуженное признание народа. Наши критики слабо владеют мастерством художественного анализа — недаром большинство статей о пьесах и спектаклях представляет собою пересказ содержания и краткие замечания о форме. Некоторые критики до сих пор еще испытывают неосторожную боязнь перед авторитетом, страшась, как бы их не обвинили (кто?) в «нападках» на великих советских драматургов. Надо хорошо понять, что если критика движима любовью к советской драматургии, если она искренно заинтересована в ее дальнейшем совершенствовании, то самое резкое ее суждение о тех или иных недостатках произведения будет на пользу нашей драматургии. И, наоборот, — трусливое молчание, позиция выжидания приносит вред нашему обществу.

Единственно правильный подход к оценке драматических, как и всяких других, произведений — это высокая требовательность и принципиальность, это смелая критика не только на лица. Когда мы так подходим к драматургии, то видим, что даже лучшие, первоклассные драматурги нуждаются в совершенствовании своего мастерства, — в этом залог их успешной деятельности, повышения их творческой силы и их пьес.

Разве не пропадала нужная советскому зрителю пьеса С. Михалкова «Илья Головин» оттого, что она композиционно плохо построена, что сюжет ее исчерпывается во втором действии, а третий акт повисает в воздухе — в нем герои лишь подымают итоги минувших событий? Разве не режет слух то нарочито грубый, то просто неряшливый язык пьесы Н. Вирты

«Хлеб наш насущный»? Вот как в ней излагает свои мысли секретарь райкома Рогов: «Да, не выслушав людей, не войдя в их нужды, ничего не рассмотрев как следует, не увидя хорошего, да и по плохому...»

Советские драматурги призваны «всесторонне способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявляющих во время Великой Отечественной войны». Понятно, что образ передового советского человека занимает центральное положение в наших пьесах, и драматурги достигли беспрецедентных успехов в его воплощении. Однако нередко еще, даже в лучших пьесах, образ положительного героя обеднен, охарактеризован односторонне. Особенно печально, когда это ощущается в образах передовых представителей народа — партийных руководителей. Телегин и Кременев в пьесах А. Сурова «Обида» и «Зеленая улица», Подолова из «Московского характера» А. Софронова, Каримов из «Закона чести» А. Штейна — это слабые, схематичные образы, совсем не похожие на тех живых, своеобразных и ярких людей, с которыми они писались. В пьесе К. Симонова «Чужая тень» партгор инструктор Рыжов просто выключен из действия; писатель лишь представил его зрителю, а затем изолировал от остальной борьбы, в которой, конечно, партгор должен был сыграть важную роль.

Недавно в «Литературной газете» было напечатано письмо читателей тов. З. Мелещенко, которая упрекала наших драматургов, и, в частности, Б. Ромашова, за неумение показать советского человека в любви, в дружбе, в быту. Справедливый упрек! Наши драматурги еще не научились создавать образы, характеры, которые раскрывались бы во всех гранях жизни. Именно это ведет к тому, что хорошие работники, строители, производственники подчас выглядят со сцены неинтересными, схематичными, лишь только они заговорят о дружбе, о любви. Даже в одной из лучших пьес нынешнего года — «Калиновка» А. Корнейчука — наиболее слабой является линия отношений Карпа Ветрового и Надежды Романюк: в радостное, верное жизни повествование врывается фальшивая, псевдоромантическая тема.

Из года в год растет количество новых драматических произведений, повышается общий профессиональный уровень писателей для театра, в драматургию приходят молодые — все эти факты очень отрады. Но совершенно недопустимо, когда драматурги, теряя чувство ответственности перед народом, пользуются тем, что нашим театрам нужен большой репертуар, превращаются в торпильных ремесленников, поставщиков макулатуры. Так появляются антихудожественные поделки, где используются готовые схемы и шаблоны из архива буржуазного драматургии. Именно к этой категории пьес следует отнести «Ночной вор» И. Финка и В. Медведева, «Мадлен Годар» А. Спешнева, «Счастливчик» Н. Никитина и другие. Разве не чувствуется в них, как протестует сам материал, заключенный искусственно в проповеднически-показные ему рамки низкопробной буржуазной драмы, разве можно обличить буржуазную культуру, пользуясь плохими приемами буржуазного искусства!

На недостаточный путь ремесленничества подчас становится даже и те драматурги, которые немало сделали для развития советского театра. Только снижением требовательности к драматургическому творчеству можно объяснить появление примитивной и совсем не смешной комедии А. Файфа и П. Солодаря «Лягушечка» и постановку ее на сцене Театра им. Ермоловой. Недавно Главрепертком разрешил, а отдел распространения Управления по охране авторских прав издал на светлаграфу и разошел в ряд городов новую пьесу Бр. Тур и И. Пырвея «Сомы Лутонских». Герои этой пьесы, если судить по списку действующих лиц, — советские рабочие, мастера, инженеры, летчики. Но при более близком знакомстве с ними становится ясно, что они лишь условные сценические персонажи, участвующие в нематериальной истории: старшую дочь — Лутонину Ольгу бросает муж, влюбившийся в вертлявую девушку; младшая дочь Варвара влюбляется в пошляка и карьериста; помощник мастера Гребенкин безуспешно любит Варвару, а летчик Вооров — Ольгу. Вот и все. А кроме того, в пьесе — изрядное количество вышвок, на сцене происходит бракоразводный процесс, есть в ней заместитель министра, вся роль которого состоит в том, что он каждого хочет похвалить на своей машине, есть здесь и традиционный наперекор героя, который слегка заикается и всякий раз выходит на сцену «с неизменной гитарой».

Во всем этом наборе дурных драматургических штампов теряется тема творческого труда, искажаются характеры советских людей, и пьеса, посвященная советскому рабочему классу, превращается в фальшивую мелодраму.

Подобные антихудожественные пьесы получают право на существование лишь потому, что Комитет по делам искусств и Главрепертком, разрешая новое драматическое произведение в постановке, часто забывают о том, что сама по себе тема еще не определяет качества пьесы, что успех зависит от того, насколько художественно воплощена эта тема.

Советская драматургия богата самыми передовыми идеями, ее в золотом фонде есть высокохудожественные произведения, она наследует замечательные традиции русской реалистической драмы и неуклонно растет, потому что в нее приходят новые силы. Так ей ли бояться критики! Задача драматургов, работников театров, критиков состоит в том, чтобы требовательно совершенствовать художественные достоинства драматических произведений, развивать и двигать вперед теорию советской драмы, смело и нелицеприятно критиковать недостатки пьес, решительно бороться с ремесленничеством и латентури. В этом — залог идейно-художественного роста советской драматической литературы, советского театра.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 74 (2665)

Суббота, 26 августа 1950 г.

Цена 40 коп.

К Всесоюзному Дню шахтера

Счастливая дорога

1.

Весною перед поездкой в Донбасс я побывал в Гипроуглемаше — институте, который ведет в широких масштабах экспериментальные работы, проектирует конструктивные машины для угольной промышленности. Каждый раз, когда входил в просторный проектный зал, где за чертежными досками трудились конструкторы, и когда видел эскизные наброски будущих горных машин или зрелые проекты конструкций, перед тобою как будто возникает облик шахты завтрашнего дня.

Помню, испытания первого угольного комбайна я видел на шахте «3-бис». Он родился в Донецком бассейне, и горные конструкторы его так и называли — просто и тепло — «Донбасс».

Комбайн я увидел в работе в пологой лаве — то была картина захватывающей силы. Мощная машина с мягким, постепенно нарастающим гулом двигалась снизу вверх по лаве, кольцевым баром отрезала пачку угля от почвы, кровли и груды забоя, сильными кувалдами дробила уголь и в едином темпе движения захватывала куски угля на грузчики... Первые шаги комбайна «Донбасс».

В партийном комитете шахты висела во всю стену карта Европы — вся истыканная флажками, испещренная синими карандашными пометками. Карта эта как будто дышала еще только что завершенной великой битвой народов.

Партгор рассказывал: когда коммунистические шахтеры приходили из армии и становились на партийный учет, они, по какому-то неписанному правилу, подходили к карте и, рассказывая свою жизнь, наносили на карту наиболее памятные места, где они воевали, проливая свою кровь за счастье нашей Родины. И эти же люди, словно види перед собою не только свою шахту, но всю страну, весь мир, давали оценку экспериментальному комбайну.

Конструкторская мысль не стоит на месте. В этом году я увидел в Гипроуглемаше фотографии и чертежи экспериментальной конструкции угольного комбайна для тонких пластов. Машина уже испытывалась на одной из шахт Донбасса. И это еще один шаг к всемерному улучшению условий горняцкого труда. Я встретил старого знакомого — главного конструктора проекта комбайна «Донбасс» лауреата Сталинской премии А. Д. Сукача. Спросил его: как он живет, что у него нового?

— Как живем? Что у нас нового? — сказал он, сразу же применив мой вопрос ко всему своему коллективу, и тихо, доверительно, проговорил: — Должен вам сказать — хорошо живем.

Конструктор поджал палец: — Сотни комбайнов — торжествующе сказал он, — уже работают в лавах... Сотни комбайнов на подходе... Здорово! Его широкие, загорелое лицо дышало счастьем. Солнечный день так хорошо действовал на него или добрые вести о внедрении комбайнов, — что-то молодое, задорное играло в нем.

— Что нового? Он сейчас приехал из Москвы — там тоже хорошо пошел комбайн «Донбасс». Инженер по внедрению Захаровича внес свои усовершенствования в конструкцию машины. Создание и внедрение новой конструкции А. Д. Сукача и его товарищи Горшков, Хорин, Арутюнян, Башков воспринимают не узко технические, а как творческую задачу, в решении которой принимают участие массы горняков.

— Народ критикует, — говорил он, — дополняет, улучшает... А это, знаете ли, очень стимулирует.

— Что нового? Он собирается полететь в Карагану, затем в Кузбасс — пробовать комбайн в тамашных условиях. Что нового? Он работает вместе с Хориным над созданием учебника для машиниста комбайна. Что нового? Вместе со своими товарищами по донецкому бюро горных конструкций он работает над комбайном для тонких пластов. Вот, кажется, и все.

— Да, вот еще, — сказал он оживленно, — К вопросу о стимулах!

И протянул мне газетную вырезку — письмо его друга конструктора Хорина, опубликованное в газете «Социалистический Донбасс». Оказывается, английское «Би-Би-Си» вдруг заговорило о нашем советском комбайне. Шотландские горняки видели эту машину в работе. Весть о ней докатилась до английских шахт, где парит ручной труд. И хозяева дали команду «Би-Би-Си»: потанцуйте восторг шотландских горняков перед комбайном, создайте видимость, что речь идет о каком-то единственном экземпляре, изобразите всеядность трудности и мучения на творческом пути советского изобретателя. «Би-Би-Си» разразилось кратким, но, как всегда, полным сообщением, что, видите ли, автор комбайна «Донбасс» мастер Сукач, не имея средств своего изобретения до конца, продал сконструированный им комбайн за 1 миллион 700 тысяч долларов владельцу шахты № 3-бис в Стахово...

— Слова-то какие: «продал... не имея средств...» Доисторические, — с презрением проговорил Сукач.

Его словно уняло, как могут еще существовать эти слова.

Хорин писал в газете: «...буржуазным писателям неизвестно наши советские поряд-

Б. ГАЛИН

2.

Две недели спустя, в Донбассе я вспомнил об этой встрече с конструктором и его слова о стимулах.

Я побывал в тех местах, где пятнадцать лет назад в недрах одной шахты, словно живой ролик, слышно и разгорелось по всей нашей земле новое в социалистическом соревновании. Осенью тридцати пятого года я поехал в качестве корреспондента с участниками Первого Всесоюзного совещания стахановцев из Москвы в Донбасс. Вот на этой шахте Центральная Ирмино ноябрьской ночью был митинг. Шахтеры встречали своих посланцев в Кремль забойщиков Стаханова и Дюканова и партгору шахты Петрова. Все так хорошо запомнилось — осенняя ночь, свет шахтерских ламп, прорезавших темноту, приземистый, с обнаженной головой партгруппировка участка Мирон Дюканов и его тихая, взволнованная речь о том, как они, стахановцы, слушали Сталина, о том, как, слушая Сталина, они увидели близкие черты грядущего — коммунизма.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Как самое дорогое, радостное и счастливое, что когда-либо выпадало на мою долю, я вспоминаю, снова побывав в Донбассе, стахановское совещание в Кремле и речь Сталина. Люди, которые съехались тогда со всей страны в Москву и чьи выступления с кремлевской трибуны слушал Сталин, за эти годы сложили существующие нормы в металлургии, в горном деле, в лесной промышленности, в текстильной, на транспорте и теперь идут смело вперед по дороге жизни.

Недавно в гости к этим людям приехали шотландские горняки. Главное, что их глубоко интересовало, был вопрос о стимулах жизни. Они всюду расспрашивали, что двигает нашими горняками. Они хотели, и в этом им была предоставлена полная возможность, «своими собственными глазами» увидеть советские стимулы. Они собирали факты. Только факты — и никакая агитация, как они говорили. Но, как надо было ожидать, величайшим агитатором оказалась сама наша советская жизнь.

Да, вопрос о стимулах волнует все трудовое человечество. Вспомните, с какой настойчивостью много лет тому назад американская рабочая делегация задавала товарищу Сталину вопрос о том, что является в СССР основным двигателем в жизни.

Сталин ответил: «Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое собственное государство, на свой собственный класс, — это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и совершенствования нашей промышленности».

Гости спускались в шахты — они видели комбайн в работе; заходили в подземные амбулаторные пункты, изучали условия труда, условия жизни, в столовых или шахтерские обеды и особенно интересовались, можно ли одному человеку заставить два мясных блюда, заходя в магазины, смотреть товары, записывая цены, записывая меню в столовых, побывав у наших шахтеров дома...

Обращал на себя внимание в делегации шотландцев старик Роберт Маккатчон. Старый грузный человек, он молча, изучающе, всматривался в жизнь советских горняков. На одной шахте под Макеевским на почетный шахтер, обремененный инстинктом охраны труда, обрисовал шотландцам картину жизни профсоюзной организации. Бюджет шахткома перевалил за 200 тысяч. Коллективный договор. Актив профсоюза. Когда почетный шахтер стал рассказывать, на какой актив опирается шахтный комитет, шотландцы пришли в волнение. Сынне двухсот горняков активно работают в комитетях.

— Заметьте, — с горлой радостью сказал почетный шахтер, — это же только профсоюзный актив...

И он поинтересовался нашим советским шахтером, слушавшим его беседу с шотландцами: дескать, неплохо было бы рассказать им о партийном, о комсомольском активе. Но, может быть, это они сошлют за агитацию...

Почетный шахтер пригласил шотландцев к себе домой на обед. Когда Роберт Маккатчон, который 55 лет работает в шахте в графстве Файф, стал осматривать содержимое платяного шкафа нашего шахтера, — а вещей там оказалось много, — почетный шахтер с достоинством сказал:

— Это дело жизненное, дорогой товарищ, — и, обняв шахтера-шотландца за плечи, повернул его лицом к нам:

— Душу свою распахните, — сказал почетный шахтер шотландцу, — глазами пошире откройте... Вот она, советская жизнь...

С Робертом Маккатчоном во возвращении домой произошла любопытная история. Об этом мне рассказывал глава нашей шахтерской делегации, нанесшей ответный визит в Шотландию, председатель ЦК

профсоюза рабочих угольной промышленности С. И. Зайцев. Наши горняки встретились со стариком из графства Файф на митинге в Глазго. Оказывается, местный лейбористский босс дал старика Маккатчону перед отъездом в СССР подробную инструкцию, чем интересоваться, о чем спрашивать. Разумеется, главный вопрос был о принудительном труде. Когда Маккатчон вернулся в Шотландию на шахту, его вызвал этот босс, врач по профессии, и спросил:

— Ну, что, как там?

Старик кратко ответил:

— Там, в России, народ веселый.

И выложил перед боссом свои записки о том, что он видел в СССР. Даже меня из шахтерской столовой он положил перед боссом. Вот что они там кушают! И рассказал о том, что представляло для него, старика, наибольший интерес. Это — о системе пенсий, льгот и надбавок за выслугу лет. Все с большими подробностями.

1. Шахтеры, проработавшие более одного года, получают дополнительно к своей зарплате 10 процентов годового оклада.

2. Шахтеры, проработавшие от 3 до 5 лет, получают 15 процентов годового оклада.

3. Шахтеры, проработавшие от 5 до 10 лет, — 20 процентов.

4. Шахтеры, проработавшие от 10 до 15 лет, получают 25 процентов, и свыше 15 лет — 30 процентов годового оклада.

Рабочий в возрасте 50 лет, проработавший в шахте 20 лет, получает пенсию в размере половины заработной платы.

— Очень хорошая система, — сказал старик и добавил: — Ничего подобного нет ни в Англии, ни, насколько мне известно, в какой-нибудь другой стране.

Что же касается «принудительного труда», то о нем не может быть и речи. В Советском Союзе заслуги рабочих перед промышленностью очень ценятся.

Лейбористский «возмезд» рассердился: почему человек всего лишь три недели в СССР и уже успел набраться московского духа. Он потребовал, чтобы старик «подготовился» выступить перед шахтерами. Старый шахтер ответил руководителю лейбористской организации:

— Я буду рассказывать факты, то, что я видел своими собственными глазами.

И он стал рассказывать — сперва своим соседям и товарищам по шахте, потом на районном митинге, потом на большом митинге, на котором присутствовала делегация наших горняков. Рассказывал о том, что он видел в СССР. Факты. Только факты. Живые наблюдения и разъяснения по поводу виденного. Очень тихий, даже несколько замкнутый старик, он в спокойных тонах набрасывал перед своими слушателями картину жизни советских шахтеров. Об условиях труда на наших шахтах, о льготах и пенсиях шахтеров, об уважении к человеку в советской стране, о взаимоотношениях администрации с рабочими. О советском образе жизни. Свои выступления он неизменно заканчивал одной и той же фразой: «Народ там веселый, неунывающий...»

Там же, на собраниях в Глазго и Единбурге, наши делегаты, обычно после выступления, по требованию шотландских горняков сходили в зал, чтобы каждый имел возможность позвать руку советским горнякам. И каждый, кто пожимал руку советскому шахтеру, этим жестом потчевал свою любовь к Советскому Союзу. И всегда на этих собраниях лопка шла по кругу: шотландские горняки отдавали свои скромные деньги в фонд общества друзей «Шотландия-СССР».

Наши горняки спускались в шотландские шахты, бывали в домах горняков. Естественно, что их поразили условия труда шотландских горняков. Попали в эпоху обушки! Сперва буржуазные газеты пытались замочить пребывание наших горняков в Шотландии. Потом появились скандальные заметки. «Русские критикуют...» Да, русские, советские горняки критиковали условия труда и жизни, в какие поставлены шотландские горняки. За все плати! Даже за стирку спецовки. Понятно, что все это и многое другое показалось нашим горнякам диким, и на пресс-конференциях, и при встречах с шотландскими шахтерами они велико высказывали свое мнение о таких порядках.

...Завтра — День шахтера, радостный праздник, когда по установленной в нашей стране традиции мы чествуем людей, добывающих «черный хлеб» для промышленности. Самый этот обычный чествовать людей труда, отмечать заслуги и достижения горняков, рабочих — еще одно прекрасное свидетельство счастливой жизни нашего «веселого, неунывающего» народа. Вспоминаются слова старого шотландского шахтера, который, как об огромном счастье, говорил о системе труда советских горняков. «Я не сомневаюсь, — говорил Р. Маккатчон, вот уже пятьдесят пять лет работающий в шахте в графстве Файф и не получающий никакой пенсии или надбавки за выслугу лет и не знающий радости свободного творческого труда, — я не сомневаюсь, что мой товарищ в Англии так же заинтересуется этой системой, как и я».

Та система горняцкого труда, которая так поразила старого рабочего капиталистической Англии, является только звеном в общей системе жизни, которую правильно было бы назвать советским образом жизни.

Счастливой дорогой — дорогой к коммунизму — идут советские шахтеры, как и весь наш народ.

Дорого пути, дорогие товарищи шахтеры!

Международные отклики

НА ВОРАХ ШАПКИ ГОРЯТ

«Фальсификаторы истории и клеветники потому и называются фальсификаторами и клеветниками, что они не пытаются уважения к фактам. Они предпочитают иметь дело со слухами и клеветой». Справедливость этого заключения всемирно известной Исторической справки Коминформбюро еще раз подтверждена официальными представителями госдепартамента и английского министерства иностранных дел: 21 августа они, как по команде, выступили с «опровержением» фактов, разоблачаемых в новом советском фильме «Секретная миссия». Не было сообщено, удостоились ли эти представители, прежде чем выступить, взглянуть в свои собственные архивы. Если бы это сделал, скажем, г-н Макдермотт из госдепартамента США, он, надо полагать, не прошел бы мимо интрижек, дававшихся известному Аллену Даллесу. Из документов, захваченных советскими войсками в Германии, известно, что Аллен Даллес в феврале 1943 года назывался «Балл». Он вел в Швейцарии секретные переговоры с германским представителем князем М. Гогенлозом, идея «непосредственные поручения и полномочия из Белого Дома», и поручения его как две капли воды схожи с поручением американского сенатора, показанного в советском фильме.

Таковы факты. Но Макдермотт не признает фактов. Вместо этого он борется с тем, что неразумительно об американской свинной тушечке, якобы обеспечившей разгром Германии.

Представитель английского МИД, в отличие от своего коллеги, все же постеснялся вовсе не упомянуть фактов дипломатической истории. По английской традиции он попытался и с фактами, так сказать, пойти на компромисс. Конечно, это не были факты из истории секретной миссии сына лорда Бисберга Жейтана в Лиссабоне, который уже в сентябре 1941 года интересовался у германского представителя, «хотел ли было бы использовать наступательную зиму и весну для того, чтобы за кулисами обсудить возможность мира?». Нет, английский представитель лишь напомнил, что в октябре 1943 года на Московской конференции представителей Советского Союза, Англии и США обсуждался немедленно консультативный в случае любого мирного предложения кому-либо из союзников со стороны Германии. Напомнил и тотчас, не сморгнув глазом, соврал: «Англическое правительство скупечно придерживалось этого соглашения».

Однако факты не любят жульнических компромиссов. Факты мстят за себя. Документально подтвержденные факты переговоров «Балла» и Жейтана, о которых Советскому Союзу ничего не было сообщено, выбивают почву из-под ног английской опровергателя.

Факты говорят, кроме того, что английское правительство, следуя за США, столь же «скупечно» не выполняло и других обязательств, взятых на Московской конференции 1943 года. Из них достаточно напомнить лишь одно, особенно актуальное в связи с событиями в Коре. В § 6 Декларации о всеобщей безопасности союзники заявили: «...по окончании войны они не будут применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации...»

Лучше бы английскому представителю не упоминать о Московской конференции! Поспешность с опровержением лишь выдала беспомощность поджигателей войны. Она подтвердила тем самым справедливость разоблачений советского фильма. «На воре шапка горит!» — говорят в таких случаях у нас в парод.

ПРЕСТУПНИКИ И ИХ ПОКРОВИТЕЛИ

Паместник Бонской колонии Уолд-стрит Джон Маккой освободил, как известно, из тюрьмы Финка, Тер Меера, Раше, Дитриха, Дарре и еще троих гитлеровских военных преступников.

Их судили американские военные трибуналы в Нюрнберге, и суд был очень милостивым, но отнюдь не скорым (процессы продолжались по году и больше) и совсем не правым.

Вселились и только вселились заслуживали и Тер Меер, выдавший в «ИГ» фарбендустрии производством ядовитых газов и ответственности за умерщвление этих газов «в опытный порядок» сотен тысяч и миллионов людей. Плавала веревка и по Финку: паравоз с заправленным «ИГ» фарбендустрии он создавал в Германии гитлеровскую диктатуру, вооружал фашистскую военную машину и с ее помощью грабил и разорял нашу страну, обналичив в рабство наших людей.

Раше, руководитель крупнейшего Дрезденского банка, вместе с Финком принадлежал к «кружке друзей Гитлера»: они финансировали уничтожение миллионов «неполноценных» представителей низших рас, ежегодно собирая для фашистского обер-палача миллионы марок.

«Рейхс-процессор» при Гитлере Дитрих, назвавший карьеру пролазер своего парта, Сталину трест, разделяет с Геббельсом ответственность «за психологическую подготовку агрессии».

Гитлеровский министр земледелия и «фюрер» крестьянства Дарре в книжонке «Кровь и земля» учил заводить чужую землю кровью ее обитателей, превращая ее в «жизненное пространство для расы господ».

Маккой, как юридический советник банков Рун, Лейб и К., привнес сотрудничество с финансами и крупными еще в 20-х годах, когда он помогал финансировать сталенные магнаты Германии, в том числе и Финка. Тер Меер бывал гостем в вагитонном вилле Ламмота Дюпона, партнера «ИГ» фарбендустрии, и много лет сотрудничал с ним в черном деле организации агрессии. Круговая порука соединила Гарримана, Финка, Рокфеллера, Тер Меера, Маккоя.

Американские монополисты, перейдя в Юрии от подготовки агрессии к самой агрессии, зовут на помощь гитлеровских знаменитых этого кровавого дела. Но если гариманы спасли Финков от справедливого возмездия в прошлом, то и гариманы и Финки не уйдут от него в будущем...

ЛИТЕРАТОР

Дело всей нашей общественной ответственности

Беседа с министром юстиции СССР
К. П. ГОРШЕНИНЫМ

На защите интересов матери и ребенка твердо стоит наше государство; их права охраняют советские законы — самые гуманные законы в мире. И понятно, что каждый случай нарушения этих законов, каждый факт преступного отношения к детям всегда вызывает справедливое негодование советских людей.

«Литературная газета» получила множество писем — откликов на заметку «Об отцах и детях» (1 июля), письмо в редакцию «Бессердечие» (22 июля) и другие выступления, направленные в защиту прав матери и ребенка.

Читатели в своих письмах выражают горячее возмущение теми людьми, которые не по-советски относятся к семье, к своим родительским обязанностям.

Выполняя желание некоторых читателей, редакция попросила министра юстиции СССР тов. К. П. Горшенкина сообщить, какие меры принимаются для усиления борьбы с лицами, злобно уклоняющимися от уплаты алиментов. Ниже печатается беседа тов. Горшенкина с сотрудником «Литературной газеты».

— Забота о детях, о воспитании подрастающего поколения — дело всей нашей общественной ответственности. На один лишь 1950 год по бюджету СССР 4 миллиарда рублей ассигновано для оказания помощи многодетным и одиноким матерям. Государство расходует огромные суммы на содержание ребят в детских садах, яслях и других детских учреждениях.

Но, естественно, что воспитывать и содержать детей прежде всего обязаны их родители. В тех случаях, когда родители пренебрегают интересами детей, суд может лишить родительских прав. За злостное уклонение от уплаты алиментов установлена уголовная ответственность.

Надо подчеркнуть, что такие случаи — и лишение родительских прав, и тюремное заключение за злостное уклонение от уплаты алиментов — редкое явление в судебной практике. Тем большее возмущение общественной ответственности вызывает моральные уроки, заблуждение спон обязанности перед детьми и злостное уклонение от выполнения долга перед ними. Именно о таких уроках в нашей советской семье сообщила «Литературная газета». Ясно, что подобные люди заслуживают сурового наказания — вплоть до тюремного заключения.

При этом следует помнить, что закон, устанавливая строгое наказание за злостное неуплату алиментов, наказывая конкретных виновников, играет также воспитательную роль, предупреждая, таким образом, других.

В этой беседе я хочу заострить внимание на обязанностях руководителей предприятий и учреждений, судебных органов, прокуратуры и милиции. Они должны обеспечивать исполнение решений судов о взыскании алиментов. И если бы они лучше выполняли этот свой долг, случаи, о которых писала газета, не имели бы места.

По закону должностные лица в государственных учреждениях и на предприятиях, в колхозах, кооперативных и иных общественных организациях обязаны удерживать с ответчика определенную часть заработка и своевременно перечислять удержанные суммы матерям.

Однако некоторые должностные лица бездушно, формально-бюрократически относятся к исполнению решений судов о взы-

скании средств на содержание детей. Приведу пример. В Таштаголе Кемеровской области бухгалтер отделения Госбанка Кошелева аккуратно удерживала алименты с работников отделения П. и К. Однако напрасно матери, в пользу которых удерживались алименты, ожидали прихода почтовых пересылок: зысканных денег Кошелева систематически задерживала. Народный суд приговорил ее за нарушение закона в шести месяцам исправительно-трудовых работ. Ответственность Таштагола с удовлетворением встретил приговор.

И в деятельности судов, когда речь идет о защите интересов детей, есть много недостатков. В особенности это относится к исполнению судебных решений. Следует напомнить о постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 года. В этом постановлении указано на серьезные недостатки в работе судов, милиции, прокуратуры и других государственных органов, обязанных обеспечивать взыскание средств на содержание детей.

Правда, после постановления Президиума Верховного Совета СССР судьи и органы юстиции сделали многое, но до сих пор еще нередки жалобы на невзыскание алиментов, или на то, что затянута передача удержанных денег. Такие жалобы Министр юстиции СССР больше всего получает на суды и органы юстиции Кемеровской, Сталинской, Калининградской областей и Краснодарского края.

Надо добавить, что судебные органы далеко не во всех случаях применяют статью 291 Гражданского процессуального кодекса РСФСР и соответствующие статьи кодексов других союзных республик, дающие право штрафовать должностных лиц учреждений или предприятий, по вине которых не взыскиваются алименты. Больше того — закон дает право взыскивать всю задолженность с соответствующих учреждений или предприятий. Но этим правом суды пользуются крайне редко.

Министр юстиции СССР принимает меры, чтобы улучшить работу судов и органов юстиции по делам о взыскании алиментов, и строго наказывает работников юстиции, виновных в волоките и формально-бюрократическом отношении к жалобам матерей. Однако предстоит еще многое сделать — и в первую очередь усилить чувство ответственности каждого работника юстиции за точное и неуклонное выполнение требований советского закона.

Судебная практика показывает также, что до сих пор не ликвидированы многие недостатки в работе органов милиции и прокуратуры, отмеченные постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 года.

Приведу два факта. По решению народного суда, с гр. Сидоренко следовало удерживать на содержание ребенка четверть заработка. Но Сидоренко скрылся, а жена его долгое время не может добиться от милиции помощи в розыске ответчика. Женщина дважды обращалась в управление Ленинградской мили-

ции, затем в 7-е отделение милиции Ленинграда, много раз писала в управление милиции Дорогобычской области. Однако все оказалось безрезультатно.

Или другой факт. Председатель Аксубаевского райисполкома Татарской АССР Максимов, пользуясь своим служебным положением, строго-настроено запретил бухгалтеру удерживать с него алименты на содержание дочери. Когда же бухгалтер все-таки включил в ведомость на выдачу заработной платы удержание алиментов, Максимов вычеркнул эту сумму. Он дошел, наконец, до того, что издал из бухгалтерии исполнительный лист и продержал его у себя четыре месяца.

Судебный исполнитель, составив акт, направил его прокурору Аксубаевского района тов. Евграфову, чтобы привлечь Максимову к уголовной ответственности. Что же сделал прокурор? Через два месяца вернул акт судебного исполнителя... с просьбой принять меры для взыскания алиментов.

Можно ли мириться с такими случаями? Конечно, нельзя. Органы милиции и прокуратуры обязаны усилить розыск злостно уклоняющихся от уплаты алиментов, должны усилить и надзор за удержанием денег.

Еще раз следует подчеркнуть: чтобы обеспечить строжайшее соблюдение замечательных советских законов, охраняющих интересы детей, необходима согласованная, четкая работа всех государственных органов.

Несколько слов о роли нашей советской общественной ответственности. Часто еще бывает, что товарищи по работе, соседи и знакомые либерально подходят к людям, пренебрегая своим родительскими обязанностями, сквозь пальцы смотрят на нарушение законов о семье и правил социалистического бытия. Это недопустимо. Надо более решительно бороться с бытовым отношением отдельных граждан к взысканию средств на содержание детей.

Роль общественной ответственности в борьбе с такого рода пережитками капитализма в сознании людей весьма велика. Может ли коллектив, в котором работает человек, забывший свой долг перед детьми и не выполняющий требований советских законов, — могут ли товарищи, соседи такого человека проходить мимо этого уродливого явления? Не могут и не вправе! Пусть атмосфера общественной ответственности, презрение коллектива окружает каждого, кто уклоняется от уплаты алиментов. А тогда, бесспорно, сократится число судебных дел, и все реже придется прибегать к такой крайней мере, как тюремное заключение.

Многочисленные отклики читателей, полученные «Литературной газетой» в связи с выступлениями против нарушения законов о семье, — свидетельство заинтересованности советских людей в этом вопросе. Растет забота советских людей об общественном благе, об интересах государства. Понятен поэтому и живой отклик, который встречают у граждан предложения в области нашего законодательства, в том числе предложения, содержащиеся в статье «Закононый вопрос» («Литературная газета» от 24 июля) и в заметке «Об отцах и детях».

Часть этих предложений, очевидно, будет отражена в разрабатываемых проектах кодексов.

Сад возле дома

Мы сидим в беседе, убитой пломсом. Вокруг цветочные клумбы, аллеи из фруктовых и декоративных деревьев. У входа — скульптурные изображения горниста в дискометеле. В глубине — летний киоск на 400 мест.

— Уголок городского сада? — спросите вы.

— Нет. Это обыкновенный двор дома № 18 по Чичеринской улице.

Ипполит войны Сергей Николаевич Смирнов и 68-летний машинист Семен Фе-

досевич Кишинский рассказывают нам историю этого чудесного уголка, обнесенного красной металлической оградой. — Совсем недавно здесь был пустырь, груды развалин. Наш город, разрушенный врагом, отстраивался бурными темпами. И мы решили собственными силами, силами актива, создать свой домашний парк для жильцов двора.

Активисты работали горячо, с любовью. Убрали мусор, высадили до шести тысяч цветов, сотни деревьев. Построили летний

киоск. Стали приглашать лекторов, артистов. Жители дома № 18, да и соседних домов тепло встречают и выступления юных участников самодеятельности из пионерского поста.

Недавно на Чичеринской, 18 в летнем театре состоялось выездное заседание исполкома Красногвардейского райсовета. Жильцам дома было вручено переходящее Красное знамя.

А. Л. БЫЛИНОВ
ДНЕПРОПЕТРОВСК

II.

В районной отчетной сводке говорится: «В результате укрупнения колхозов высвободилось 132 председателя. Высвободилось ли? И отчет высвободилось? Разве можно выключать всех старых председателей мелких артелей из общественной работы? Среди них много людей, имеющих большой опыт и серьезные заслуги. Забыть об этом нельзя. Подольский райком партии правильно поступает, стараясь не распускать, не демобилизовать, не бросить на произвол судьбы эти кадры, а дать им верное направление, разумно использовать их после укрупнения в качестве заместителей председателя, бригадиров, заведующих отраслями хозяйства».

Очень легко нанести обиду заслуженному человеку из бывших председателей, если отнестись к нему казенно и считать его уволенным, отставным, непригодным. Маленькими артелями многие из них могли руководить и руководить неплохо. Иное дело — крупное многоотраслевое хозяйство. Тут требуется не только многолетний опыт, но и знания, большие знания.

На собрании десяти мелких артелей были выдвинуты две кандидатуры в председатели объединенного колхоза имени Чкалова: агроном Сергей Васильевич Шипов и бывший председатель Кутынский артели Егор Ильич Соколенков. Колхозники отдали свои голоса агроному Шипову, а Соколенкова избрали заместителем председателя артели.

— Ты, Егор, преданный колхозному делу человек, мы тебя всем миром уважаем, — говорили старики Соколенкову, — но с большим хозяйством тебе не управиться. Для него образованный руководитель нужен.

И Соколенков это понял, как понял это и многие другие бывшие председатели, ставшие сейчас заместителями председателей, заведующими фермами, бригадами, счетоводами.

Раньше Егор Соколенков руководил колхозом в деревне Кутынь. Маленький это был колхоз. Ограниченные задачи мог ставить перед собой председатель. И хотя у Егора Ильича должность сейчас помечена — «заместитель председателя», зато какой у него масштаб работы! Теперь Соколенков пробует силу на руководстве многоотраслевым разнообразным хозяйством. И мы видим, как растет популярность этого подвижного, деятельного человека в окрестных деревнях, там, где раньше его

Лев ОШАНИН

Пайросы погаснут и снова закурятся, Пома мы сидим, забыв о минутах, С Алешей — студентом последнего курса Юридического института.

О мечте и о жизни, мечту переросшей, Разговор получился большой и хороший.

А когда я хотел уже встать за шапку, Вдруг Алеша доверчиво мне подмигнул И откуда вытащил черную шапку И, открыв, положил ее прямо на стул. В ней бумага исписана медленным почерком — Может, двести, а может, и триста листов. В ней из разных газет телеграммы и очерки, Документы и речи на тысячу слов.

Что за странный подбор! Слово сгреб он в охапку Все, что лобок к людям напоено, Все, что против свободы,

что в мире черно, — Он засунул сюда, в эту черную шапку. Много дыма и грязи пустынный по свету, Первым номером здесь развалился уверенно

Мистер Черный, схвативший войны эстафету Из обломков империи Гитлера — Геринга.

Рядом Трумен, привыкший, как все мы видали, Даже детскую кровь превращать в барыши. С ним предатели, клевнотники и торгашки. — Тито, Ачесон, Франко, Макартур и Даллес, Лисьяны, шутахеры и чаканьяши.

Для чего ты, Алеша, собрал эту нечисть? Только руки мараить и туманить очки. Было б лучше тебе и всему человечеству

и всему человечеству

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Эти пасквилы сразу порвать на клочки. Но слова мои, видно, не тронули слуха. Усмехнувшись и бросив листки на кровать. — Я Юрист, — мой товарищ отвечал сухо, — И глазами моим все полагается звать.

Поглядев за окном в наше мирное небо, Помогав,

он сказал мне среди тишины: — Молод я, понимаешь,

в Германии не был На процессе преступников прошлой войны. Но взгляни на Корею, на Бирму,

где летит Кровь, которой за мужество платит народ. Мне, — поднялся Алеша, — судить их придется,

Этих самых продажных и жадных господ.

Что же, — в подлости их убеждать не меня ему.

Из бумаг, ненавядя и труса, глядит

Самый главный из собранных здесь обвиняемых —

Двести жирных семейств — господина Уолл-стрит.

Эту шапку — листки, документы и фото —

Все свидетельства точные грязной вины — Приготовил студент

для дипломной работы: «Поджигатели новой войны».

Мы безумцев смирил, чтоб задымленным не был

Свет за окнами — ясное мирное небо.

Читатель продолжает разговор

ВЕТЕР ПОВЕРНУЛ НА ГОРОД

В Министерстве электростанций медлят

Ветер повернул на Ленинград. И сразу же воздух центрального района города пропитался запахом сернистого газа. Одна из ленинградских электростанций, расположенная около Смольного, ежедневно выбрасывает много тонн гари, отравляет воздух сернистым газом.

Десять лет назад «Ленинградская правда» писала о проектируемых совершенных пылеуловителях. Однако положение до сих пор не изменилось. Пылеуловителей нет.

В Ленинграде чудесные улицы с тенистыми аллеями и парками. Люди дышат здесь чистым, свежим воздухом. Почему же мы, живущие в районе электростанций, должны дышать загрязненным воздухом?

Советским правительством издано постановление об обязательной очистке атмосферного воздуха. Так до каких же пор медлят руководители Министерства электростанций?

ЛЕНИНГРАД

Сажевое облако

Над заводами, выработавшими сажу из естественного газа, день и ночь стоят густые облака дыма и копоти. На десятки квадратных километров вокруг территории покрыты хлопьями саж.

Можно ли предотвратить это бедствие? Многие руководители предприятий утверждают, что они испробовали все известные науке средства и ничего не смогли добиться. Выделение саж продолжается. Выходит, что остается хладнокровно наблюдать, как изо дня в день отравляется атмосфера в поселках нефтяников.

Все мы знаем, что научно-исследовательские институты и лаборатории нефтяной промышленности успешно решают сложные задачи в области бурения, эксплуатации скважин и переработки нефти. Неужели они не могут разрешить проблему газоочистки? Это им, безусловно, также

В «Литературной газете» № 60 была опубликована статья Николая Атарова «Ветер повернул на город». В ней говорилось о необходимости строжайшей борьбы с загрязнением и загрязнением воздуха промышленными предприятиями. Читатели нашей газеты откликнулись на статью, прислав дополнительные факты, подтверждающие неотложное значение поднятого вопроса. Ниже мы публикуем некоторые из откликов.

под силу. Но беда в том, что Всесоюзный научно-исследовательский институт по технике безопасности в нефтяной промышленности уделяет недостаточно внимания вопросам газоочистки.

Я преподаю технику безопасности в Московском нефтяном институте имени академика И. М. Губкина, и меня и моих товарищей волнует вопрос о чистоте воздуха в районах нефтеперерабатывающих предприятий.

Многое еще можно сделать для оздоровления бытовых условий рабочих. Нужно только за это дело взяться.

Сажевые облака — свидетельство низкой производственной культуры. Мы, преподаватели института, охотно поможем работникам заводов ликвидировать эти облака.

В. ПОЛОЗКОВ, преподаватель по технике безопасности Московского ордена Трудового Красного Знамени нефтяного института имени академика И. М. Губкина

Рядом с институтом им. Эрисмана

Я считаю, что советская общественность вправе потребовать от промышленности министерств безоговорочного выполнения указаний правительства об охране воздуха в городах и рабочих поселках от загрязнения.

Сельскохозяйственные работы все еще ведутся на небольших участках бывших мелких артелей. Хозяйственные и общественные постройки не сведены в одно место. Они разбросаны по мелким населенным пунктам. Само собой разумеется, что, не сведя поля в единый земельный массив, нельзя полностью использовать преимущества крупного коллективного хозяйства. Значит, надо быстрее земелеулаживать колхозы. Между тем ни в одном из колхозов, где нам довелось побывать, нет надежды на скорое появление земелеустроителей.

— К нам приезжают районные уполномоченные, — рассказывает Сергей Васильевич Шипов, — один интересуется ходом уборки, другой — заготовкой кормов. Землеустроители не едут. А мы их ждем, даем ждем...

Когда мы рассказали о нашем разговоре с Шиповым районному земелеустроителю тов. Морозову, он сочувственно ответил: — К сожалению, не скоро дождется. Морозов тут же стал сетовать на нехватку земелеустроительных кадров: — Среди земельных работников наша профессия самая остродефицитная, — сказал он. — И не подумайте, что институты не справляются с подготовкой инженерно-землеустроителей. Вполне справляются. Дело в том, что областное управление сельского хозяйства растеряло кадры. Только в нашем районе свыше десяти инженерно-землеустроителей работают в разных организациях не по своей специальности.

Петрушко себе представить, как будут оторваны колхозники, когда пойдет до них морозовская реплика: «Не скоро дождется».

Между тем в объединенных колхозах ждут инженерно-землеустроителей, технику-проектировщиков и других квалифицированных специалистов. В них сейчас большая нужда. Надо строить вестительный скотный двор, закладывать ферму, мочить нового клуба, развивать парниковое хозяйство. А где все это строить, на каких землях?

Менять же нельзя, потому что колхозные Подмошские хочет быстрее позвать плоды укрупнения.

Подольский район, Московской обл.

МОСКВА

Решения принимаются, но не выполняются

Из разных промышленных районов страны продолжают поступать в редакцию письма читателей о необходимости решительной борьбы с загрязнением воздуха.

Жалуются на администрацию электростанций жители Вишницы. Куда бы ни повернул ветер, зола всегда летит на город, ибо электростанция расположена в самом его центре. Острые кристаллические пылинки угля и так называемая «зола» попадают в глаза, вызывают боль и послепение слизистой оболочки. Светлая одежда мгновенно покрывается серым налетом. «Зола» попадает в квартиры: людям даже летом приходится закрывать окна. Но и это не помогает: через щели «зола» проникает в помещения. Много неприятностей доставляет она коллективу работников электростанции. Здесь ежемесячно устраиваются субботники по уборке.

Крыши некоторых сооружений долгое время не очищались. Перекрытия ломались под тяжестью черных осадков.

Эти беспримечные факты удивляют и возмущают всех, кроме работников Министерства коммунального хозяйства УССР, в ведении которого находится электростанция. Они никаких мер до сих пор не принимают.

Свой голос протеста против безхозяйственности и равнодушия отношения работников некоторых предприятий к нуждам населения присоединяют цементники Московской области. Завод «Гигант» в Воскресенском районе выбрасывает в воздух большое количество сырья в виде мелкой пыли. Стоит ветру повернуть на поселок, как улицы покрываются слоем цемента.

Не только людям от этого плохо, но и государство терпит существенные убытки от потерь, составляющих 20 процентов всего перерабатываемого цементного сырья.

«В Сталингорске дым от труб предприятий заслоняет солнце», — пишет группа жителей этого города. Много принималось решений об оборудовании очистительных установок, но решения эти не выполняются, а нарушения не наказываются.

Министерства, чьи предприятия загрязняют воздух дымом, копотью и другими отходами производства, должны, наконец, считаться с сигналами советских людей и принять энергичные меры.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Бессердечие»

Под таким заголовком было опубликовано письмо читателя И. Малавеева («Литературная газета» от 22 июля). В связи с этим письмом в Московском инженерно-строительном институте им. В. В. Куйбышева, как сообщили нам заместители председателя месткома института тов. Шелляни и секретарь партийного бюро административно-хозяйственной части института тов. Ройльван, состоялось открытое партийное собрание.

Все выступавшие на собрании осудили бездушие отношение А. А. Сеновалова к своей дочери Гале. Выступая на собрании, А. Сеновалов полностью признал свою вину, заявил, что он заслужил строгое общественное порицание. Сеновалов дал слово в дальнейшем по-отечески заботиться о своей дочери.

Старое, но грозное оружие

Е. СУРКОВ

песках и что поэтому они умерли вместе с теми конкретными очертаниями жизни, которые их породили. Рассуждения этих злопыхателей-антипатриотов умерли, а произведения, подвергавшиеся их постоянному критическому обстрелу, — песни серьезные, глубокие, сильные, — живы.

В песнях этих звучат боевые мелодии гражданской войны, слышатся возмущенные голоса строителей первых Сталинских пятилеток, гремит эхо незабываемых сражений, выигранных советскими людьми под водительством партии в дни борьбы с интервенцией, на фронтах индустриализации, в памятные дни рождения нового колхозного строя. В них — ступень идей и чувств, столь же волнующих и важных сейчас, как пятнадцать или двадцать пять лет тому назад.

Зрители ждут новых встреч с Голуном, Шпагем, Вершининым, профессором Полежаевым, Фролом Баевым. Об этом красноречиво говорят успех тех немногих постановок старых советских пьес, которые все-таки время от времени появляются на сцене, то в одном театре, то в другом.

Как радостно приветствовали, например, ивановские зрители спектакль своего театра «Любовь Яровая». Да иначе и не могло быть. Ведь это произведение, в котором, как в зеркало, смотрит целая эпоха. Удивительная сила жизни в его образах: каждый из них — тип, воплощение различных проявлений русского национального характера революционных лет. Вот на таких песнях надо воспитывать молодых актеров. Правдивая победа Яровой; неистощимая энергия революционного действия, воплощенная в Шпаге; сила беззаветного руководителя, комиссара Романа Кошкина; трагическая откровенность «академической» науки, ставшая уделом профессора Горнотавра, — сколько увлекательных для актеров тем заключено в этом многогранном и многогранном произведении, где смех и слезы, свет и тень, поэзия и проза переплетаются в узор подвижного и сложного, как сама жизнь. «Любовь Яровая» — вдохновенная поэма революционной борьбы, ждущая новых и новых сценических воплощений.

В «Разломе» Б. Лавренева действие происходит в дни Октябрьской революции. Но пьеса остро современна и сейчас. Она волнует прежде всего значительностью мыслей, выраженных остро и точно, — их ценность не уменьшилась от того, что высказаны они были свыше двадцати лет тому назад. Правда не стареет. А именно к правде идет через победу над своими сословными предрассудками капитан I ранга Берсенева, о правде тоскует и его дочь Татьяна. И оба они находят ее в революции. Только на этом пути их зыбкая реальность и сильная любовь к Родине получают истинную опору. Так идея патриотизма неизбежно смыкается с идеей революции.

Одним из первых в нашем искусстве Лавренев показал в этой пьесе единство патриотических и революционных устремлений в душах своих героев. Они приходят к мысли об этом единстве, движимые справедливым убеждением, что только в служении народу — смысл жизни каждого честного интеллигента. Так определяется вторая сквозная тема пьесы: нерушимое единство революционного народа и трудовой интеллигенции. Тема, также не стареющая от времени. В «Разломе» же она раскрывается с еще большей наглядностью и убедительностью благодаря тому, что в центре пьесы стоит, словно своим народом созданный, образ народного героя Голуна. Это настолько живой и сильный образ, воплощающий в себе черты народного характера, что он навсегда сохранит власть над умами и сердцами зрителей. Почему же нет этой пьесы в репертуаре наших театров?

корни театра, повернуть его спиной к социальной несправедливости. В борьбе за реалистический, социально передовой театр решающее значение имело постоянное влияние русской демократической мысли, влияние драматургии Островского, Гоголя, Грибоедова, Чехова, Горького на выдающихся представителей армянской драматургии и театрального искусства. Непосредственное влияние творчества М. Горького легко проследить по пьесе «Забастовка» первого армянского пролетарского драматурга Анушава Вартаняна.

Эти традиции народности стали той почвой, на которой было возведено здание армянской советской драматургии.

2. Особое место занимает в нашей драматургии такой выдающийся мастер, как Дорник Демирчян, начавший свой путь художника еще в дореволюционные годы. Его пьесы «Храбрый Назар», «Капутан», и, наконец, историческая пьеса «Страна рыцарей» являются яркими вехами в истории армянской советской драматургии. После установления ИК ВКП(б) по идеологическим вопросам армянская драматургия обогатилась рядом хороших произведений. Среди них название «У радника» Наира Зарьяна и пьесы молодых драматургов А. Карагеяна и Г. Тер-Григоряна «Эти звезды наши» в театре им. Сундукяна. Спектакль этот был удостоен Сталинской премии.

В последние годы армянские драматурги, изучая жизнь в колхозах, на новостройках, в научных институтах, с большим упорством работают над новыми пьесами.

В процессе творчества перед драматургом встают нерешенные задачи, тесно связанные со спецификой драматургического жанра.

Возьмем вопрос драматургического конфликта в пьесах. К сожалению, еще бытует неправильная мысль, будто конфликт

Нам очень близки и дороги сейчас те идеи, которые вызвали к жизни такое величавое и мужественное произведение, как «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова. Вот пьеса, где мысль о советской стране, как отжившей трупящихся всех национальностей, выражена страстно, глубоко, без ложного пафоса. Разве прославленные сцены с американским солдатом, распространяющим партизанами, или с китайтец Син Бин-у, ложасьшимся под поезд во имя революции, не зазвучат сегодня с новой силой, уясненной событиями последних лет и дней? Разве не захватит сегодняшних зрителей мощная картина огромного крестьянского движения, подвига партии во имя защиты Родины и революции от интервентов, так широко и сильно написанная Вс. Ивановым?

Советские зрители жадно ищут воплощения в искусстве образов тех великих корифеев русской научной мысли, которые составили славу и гордость нашей Родины. Обобщенный образ такого ученого дан в «Беспокойной старости» Л. Рахманова. В центральном персонаже этой пьесы действительно воплотились лучшие черты передового русского ученого: демократизм, дерзновенная смелость мысли, стремление поставить науку на службу народу. Чаруковский, с редким драматическим мастерством выписанный характер. Трудно поверить, но это так: московские зрители не видели достойного сценического воплощения пьесы. Сыграйте же ее сейчас: нам нужны спектакли, прославляющие русскую науку, утверждающие неразрывную связь научного творчества с жизнью, с народом, воспевающие великую партию большевиков, открывающую необоримые просторы перед научной мыслью. Обо всем этом и говорит пьеса Рахманова.

И «Любовь Яровая», и «Разлом», и «Бронепоезд 14-69», и «Беспокойная старость» так действенны сегодня потому, что величественные, значительные идеи этих пьес воплощены в совершенную форму. В раскрытии своих идей драматурги привлекли зрительский сложный, интересный, полнокровный драматический столкновение. Многогранные, богатые характеры героев, выписанные отчетливо и сильно, раскрываются именно в этих серьезных столкновениях.

И не только зритель привлекают высокие художественные качества этих пьес. Мастерство, с которым они написаны, служит прекрасным примером, уроком для многих наших современных драматургов; это мастерство дает актерам возможность с предельной силой и выразительностью передать внутренний смысл образов героев.

Так почему же театральные режиссеры проходили мимо лучших советских пьес, составляющих боевой арсенал нашей драматургии, почти не снимая пьесы, — не оставались ли? Похоже, что они спугнули арсенал... с нантеном. Комитет по делам искусств должен исправить их ошибку, должен научить театральные руководители внимательно и смело пользоваться богатствами, накопленными социалистической драматургией в процессе ее развития.

На сцене театра им. Сундукяна идет пьеса Л. Карагеяна и Г. Тер-Григоряна «Эти звезды наши» в постановке народного артиста Армянской ССР лауреата Сталинской премии А. Гулакяна. На снимке: сцена из 2-й картины.

может существовать лишь между подчеркнутыми положительными и подчеркнутыми отрицательными персонажами. Не так давно пьесы театральные критики, заблудившиеся в дебрях эстетизма и формализма, разлагали пополам «обесконфликтности» советских пьес. А некоторые наши драматурги, глубоко не выходя в действительность, проходили мимо подлинных конфликтов, заложенных в повседневной жизни. Правильно и смело, на мой взгляд, разрешив конфликт М. Чаманян в своей пьесе «Наши дорогие гости». Ее герои — два товарища: главный инженер строительства и архитектор Даян и главный инженер строящегося завода Инджикян. Инджикян — новатор, бесовинная натура, он добивается досрочного пуска завода, который должен питаться электроэнергией станции, строящейся Даяном. Но Даян готов удовлетвориться только выполненным планом и не стремится повысить темпы строительства. Инджикян идет в наступление: смело, открыто, честно разоблачает он консерватизм, равнодушие, самоуспокоенность Даяна, его зазнайство. Наставляет строительство гидростанции Галамун, парторг строительства Дурянин, начальник строительства Чилингярян — все они помогают Даяну вырваться из круга ошибок и заблуждений и пойти в ногу с Инджикяном.

С этой точки зрения интересна также пьеса «Широкый горизонт» русского драматурга М. Овчинникова, уже долгие годы работающего в Армении. Темой ее послужила деятельность ученых и колхозников Армении в области животноводства. Глубокое знание материала, свежесть языка, стройность композиции делают пьесу Овчинникова интересной и нужной. Принци-

ПЬЕСА И АКТЕР

В. ТОПОРКОВ

Пьеса — первооснова спектакля. Она во многом решает и определяет его судьбу. И для того чтобы спектакли были полнокровными, мы, актеры, в содружестве с драматургами, стремимся к высокой цели, поставленной перед нами партией, должны непрерывно искать новые эстетические средства, которые дали бы возможность совершенствовать драматургию, как особый, сложнейший вид искусства. И я хотел бы высказать свои мысли в надежде, что и они принесут пользу общему делу.

Драматург должен приходить в театр с ясным представлением о том, что он с нашей помощью хочет сказать зрителям. Право на такую уверенность дает только точное знание жизни. Оно обязательно для театра — для актеров и режиссеров: без него нет и не может быть современного советского театра. Когда мы начинали работать с драматургом А. Кроном над пьесой «Глубокая разведка», мы еще не знали жизни, которой была посвящена пьеса. Как я мог с темпераментом произносить слова Мориса: «Я требую — слышите, требую — останавливаю на «Саре» все работы и сделаю точный замер по Шломоберже»? Для меня это были мертвые и пустые слова. И драматург, точно знавший жизнь, потребовал от актеров такого же знания. У нас не было, к сожалению, возможности отрываться в Баку, и мы смотрели фильмы, посвященные нефтедобыче, читали книги, руководства, инструкции. Но самое яркое и вдохновляющее впечатление произвели на нас, конечно, люди — специалисты, инженеры, геологи, которые приходили в театр для того, чтобы горячо рассказать о всех тайнах своей профессии. Только с их живого голоса мы ощутили, что человек, влюбленный в свое дело, действительно может сказать: «Я не поеду в этот город, так скучно, нейти нет». Только зная все это, я мог вносить на сцену бутылку с нефтью с таким чувством, как будто у меня в руках драгоценнейший сосуд.

Я вспоминаю этот пример и потому, что, как мне кажется, давно пора превратить разговор о том, что драматург должен приходить в театр только учиться. Его обязанность — и учить и твердо отстаивать принесенную им правду жизни от посягательств той самой приблизительности, по пути которой передо мной идут наши актеры.

Именно ощущение внутренней пустоты, которое я испытывал в начале своей работы над ролью Береста в пьесе Корнейчука «Шалом Кречет», и ту помощь, которую оказал мне автор в поисках главного зерна роли. Он сказал, что Берест — это прежде всего человек хозяйственный. Все, что он делает, говорит, все его поступки и побуждения направлены к одной цели — городу нужны люди. Он внимательно в них всматривается, непрестанно ищет те силы, на которые может опереться в своей огромной преобразовательной работе. И вдруг слова одного персонажа пьесы, что Берест — это хозяин города, приобрели для меня новый, огромный смысл. Все сценическое поведение моего героя обрело новое содержание. В каждом случае я спрашивал

себя, а как бы он, хозяин, тут сказал? Что бы он тут сделал?

Актеру только мешает драматург, который говорит: «Дайте я сам сыграю». Драматург, подобно Бересту, должен только разбудить в человеке нужные чувства и мысли, должен только направить его в нужном направлении, а отнюдь не действовать за него сам. И актер всегда найдет прищипку его индивидуальности средства для того, чтобы выразить внутренний смысл образа, если только автор вложил в него этот смысл.

И очень хочется, чтобы он всегда был, этот внутренний смысл, чтобы он раскрывался в действиях, в поступках и столкновениях. Идея спектакля — это итог, к которому приводит пьеса зрителя, и очень важно, чтобы путь к нему был увлекательным, интересным и захватывающим до конца.

Действие — непрерывное, напряженное действие — вот главный секрет увлекательности пьесы. В ней, как в часовом механизме, не должно быть ничего лишнего и должна быть очень четкая взаимосвязь всех неустанно работающих частей. Все они должны вестись в ясную форму, и только тогда можно действовать без отгадки глазами зрителя — то, что мы называем идеей пьесы. И чем величественнее, сложнее и значительнее идея, тем совершеннее должна быть форма.

Театр есть театр — он имеет свои законы и он требует, чтобы все самое важное и значительное в событиях, о котором повествует драматург, произошло или яро отразилось на сцене. Этим и определяется главное достоинство пьесы — ее строгая и ясная, четкая и экономная театральная форма. Образы такой формы можно найти у классиков и в произведениях наших наиболее опытных и зрелых драматических писателей, таких, как Корнейчук, Кроп, Леонов и другие.

Как достигается такое достоинство пьесы, как увлекательность, способность волновать зрителя? Мне думается, добивается этого автор только в том случае, если он понимает, что зритель в театре — это участник спектакля и что его обязательно надо заставить жить тем, что происходит на сцене. Театр и, прежде всего, драматург должны дать ему возможность думать, угадывать, сопоставлять, искать, открывать. Я говорю не о суетливом внешнем действии, присущем детским пьесам невысокого пошиба, а о действии внутреннем, когда зритель вовлечен во внутреннюю, психологическую жизнь героев. Только в этом случае его внимание всецело захвачено спектаклем.

И главным недостатком многих наших пьес, как мне кажется, является то, что их герои не в действии, не в борьбе, а сразу в первых же словах, при первом появлении обнаруживают все свои качества, личная зрительная возможность самостоятельно определить: что это за человек, в чем его духовная сущность, честен ли он или двудушен, правду он говорит или лжет в глубине злые, враждебные нам мысли?

Крупнейший недостаток пьесы С. Михалкова «Илья Головин» в том, что ее герои настолько сразу обнаруживают себя, что спектакль оканчивается во втором акте.

Наши драматурги не умеют или боятся постепенно раскрыть в герое — мяго, сдержанно, тонко — не только то, чем хочет казаться человек, но и то, чем он является на самом деле. А ведь зритель всегда убеждает возможность угадать, распутать ли, скажем, Гурмыжская или добродетельная дама, святой человек Тартоф или лицемер и развратник? Заметим, что весь первый акт в «Лесе» Островского Гурмыжская — воплощение добродетели, а с Тартофа Молер только в третьем действии срывает маску.

В пьесе все важно и все существенно.

Копя Несчастливцев и Аркашка только встретились и трагич, перечисляя свой багаж, называет пистолет, то можно быть уверенным, что он вступит в действие. И в самом деле, с его помощью Несчастливцев в пятом акте побуждает к «добрым» делам Гурмыжскую. А сколько в экспозиции наших пьес просто рассказов, биографий, сообщений, воспоминаний, которые совсем не нужны для дальнейшего действия пьесы. И я до сих пор не могу понять, зачем Илья, дочь Илья Головина, в пьесе Михалкова, рассказывает о том, как ее отец был счастлив с первой женой.

Мы часто осуждаем драматургов новее не за то, что в роли мало слов, а наоборот, за то, что их слишком много. У авторов часто нет ощущения конкретной жизни, биографии героев. На сцене, скажем, мать, отец, муж, жена, дочь — все это люди, отношения которых складывались годами. Они с полуслова понимают друг друга. И тут не нужны лишние слова. Но, к сожалению, в наших пьесах часто муж разговаривает с женой, как с человеком, которого он впервые увидел, — подробно, обстоятельно, мотивируя каждую мысль, хотя всякому ясно, что разговор с женой может быть и более коротким и менее обстоятельным — они давно научились понимать друг друга. И зритель всегда интересно по скупым словам самостоятельно разгадать характер отношений героев.

Пьесу укорачивают внезапные повороты судьбы, нелепые саморазоблачения. Но нельзя, чтобы поступок или слово, притворяющаяся душа, были неоправданными, не вызванными обстоятельствами. Мне кажется совсем неестественным, когда жена генерал-директора Софья Романовна из пьесы Сурикова «Зеленая улица», стоя одна у зеркала, рассуждает о своих пороках и мгновенно решает жить по-новому.

Назидательность, прямолинейность некоторых наших пьес сказывается и на творчестве актеров, которые подчас забывают о внутреннем действии даже в тех случаях, когда оно есть в пьесе.

Наконец, включая радио, я услышал передачу спектакля «Тайная полиция». В нем следователь, генерал, беседует с матерью человека, покончившего жизнь самоубийством. Драматург, как мне кажется, дал хороший материал для того, чтобы беседа матери и генерала стала настоящим моральным подспорьем представителям двух миров. Генерал не обманывает, он во всеоружии своего морального и идейного превосходства неопровержимо доказывает матери всю глупость ее эгоистической любви к сыну. Но актер, вместо того чтобы дать зрителям возможность проследить за всеми перипетиями этой сложнейшей психологической борьбы и сделать их участниками этого процесса, выступает как плохой прокурор и адресует все свои слова не партнеру, а публике. Это явный просчет актера. И такая прямолинейность игры так же полупустыня, как дидактическая назидательность в произведениях драматургии.

Драматургия — литература особого рода, ее отличает не только то, что она написана диалогом, но и то, что диалог должен быть действенным; в нем, в диалоге, раскрывается характер действующего лица, выявляется стремление героя к той или иной цели. Даже объяснение в любви Ромео и Джульетты — это спор о том, кто больше и сильнее любит. А диалог, в котором автор только рассказывает, сообщает, информирует зрителя, совершенно не интересен на сцене.

Русский театр всегда был живым отражением жизни. В наши дни, когда зритель идет в театр учиться, узнавать, открывать для себя новые сферы жизни, драматург не может писать пьесы без строгой выслезательности, точного знания действительности, без упорных поисков совершенной формы.

ные успехи, армянская драматургия еще отстает от бурного роста республики.

Много сказано и написано об отстаивании литературы от жизни, и сказано не ради красного словца. Да, драматургия (и не только драматургия) не слишком глубоко проникают в процессы нашей действительности. Конечно, они бывают на колхозных полях, у станка рабочего. Но их творческий путь берет неглубоко. Жизнь богаче, интереснее, ярче, наша прекрасней, чем в иных пьесах. Как часто горячий материал жизни тускнеет, становится скучным! Вспоминаю очень поучительную историю. В прошлом году в среде рабочих и инженеров, строителей Севанской гидроэлектростанции, мы обсуждали пьесу драматурга А. Тер-Ованяна «Дремлющие воды». Живые образы героев произведения были очень недолгими пьесой, а начальники строительства Севангос тов. Мосесос сказал так: «Если бы на строительстве были те пробы, инженеры и рабочие, которых описал драматург, то вряд ли они смогли бы построить Севанскую гидроэлектростанцию!» Это очень суровое и справедливое осуждение.

Или возьмем другой пример. Сегодня в Армении происходит укрупнение колхозов, уже близко строительство агрогородов. Это большое событие в жизни республики. В армянском селе проявляются новые черты коммунизма. На эту тему драматург А. Барсегян написал пьесу «Смех». Но как написал? Он взял внешнюю сторону вопроса. В основе пьесы лежит ложный конфликт: за землями интригами, за вымученными друзьями председателем объединяемых колхозов автор не увидел ни сегодняшней армянской деревни, ни ее замечательных людей. Я уверен, что если бы собрал председатель колхозов Арташтатского района, где идет укрупнение колхозов и намечается строительство агрогородов, то он единогласно высказал бы примерно то, что сказал начальник строительства Севангоса. А причина одна: жизнь опережала драматурга.

Жизнь неустанно выдвигает все новые проблемы. Сегодня в Армении пиенница, благодаря дерзанию ученых и агрономов, поднимается в горные районы. Вырос новый рабочий класс в республике. Над большими проблемами работают ученые, обогащая отечественную науку своими но-

выми открытиями. Нет пьес о них. Нет пьес о жизни наших детей, юной и молодежи. Нет пьес о великом просветителе Хачатуре Абяне, о крупнейшем революционере-демократе Микаэле Налбандяне, об учениках и соратниках великого Сталина — Сурене Спандаряне и Степане Шаумяне. Нет пьес, разоблачающих захватнические планы англо-американских империалистов в Турции, в Иране, глумящуюся действительность за рубежом лавке империализма, врагов армянского народа — дашнаков. Армянские драматурги должны создать пьесу на такую тему, как дискриминация армян в капиталистических странах, в частности в Америке.

Мы предъявляем большие требования к драматургам Армении потому, что верим в их потенциальные возможности и силы.

4. Огромное значение для дальнейшего роста армянской драматургии имеет выход лучших пьес на всеармянскую сцену. Это насущное дело для армянских драматургов, так же как и для драматургов других братских республик. Но мы Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР по праву считаем достоянием заботливости в этом важном деле. Ни одна пьеса армянских драматургов на советскую тематику не поставлена московскими театрами, ни одна пьеса не напечатана издательством «Искусство», в московских журналах и не обсуждалась в комиссии по драматургии Союза писателей СССР.

Нам могут сказать: дайте хорошие пьесы. Такие пьесы есть, только нужен государственный подход к этому вопросу, чуткость и внимательность к драматургии национальных республик. Далеко не все пьесы московских авторов выходят на сцену в готовом виде. Постановки пьес представляют длительная творческая работа театра с автором. Пропозировал ли такая работа в Москве хоть с одним армянским драматургом? Нет, не провозилась. Необходимо, чтобы русский зритель увидел пьесы о народах национальных республик, активно, плечом к плечу с русским народом строящих наше коммунистическое будущее. Это настоятельное требование жизни.

Г. БОРЯН

Заметки об армянской драматургии

1.

Советская тема первенствует в армянской драматургии — вот главное, что нужно отметить сейчас. Бурный рост послевоенной экономики, науки и культуры Советской Армении, всенародное строительство и трудовые подвиги в промышленности, колхозном хозяйстве республики открыли перед драматургами широчайшие горизонты, богатейший материал жизни. Пришла пора новых творческих поисков, новых дерзаний. Только тесная связь с жизнью, только отличное знание действительности и советских людей могут обеспечить создание достойных произведений о советском человеке.

Не имея славных традиций, армянская драматургия не смогла бы, конечно, подняться на новый этап своего развития. В середине прошлого века формировался светлый талант основоположника армянской реалистической драматургии Габриэла Сундукяна. Именно он совершил подлинный переворот в литературе армянского театра. Он был непримиримым врагом господствующей на армянской сцене «драматургии», наскакивавшей феодально-клерикальную идеологию и отсталый патристический зритель от социальных противоречий. Подлинный народный драматург, новатор в самом широком смысле этого слова — вот кем был для нас Сундукян.

Представитель критического реализма — Габриэла Сундукян, выдающийся армянский комедиограф Акин Паронян, Ширванзаде, Вртанес Панаян, Нар-Дос вывели армянскую драматургию на свободную дорогу реалистического развития. Драматургические шедевры наших классиков-реалистов были той жизнеутверждающей силой, которая охраняла армянский театр от пошлости буржуазных романтиков, увести драматургию на клановые «старых родов» и в «долгие слезы», в мир мистики и разочарований. В годы реакции и декаданса буржуазия тщилась подсесть жизненные

